

Сергей Бойченко
Преодоление

Рассказы

Сергей Бойченко
Преодоление. Рассказы

«Издательские решения»

Бойченко С.

Преодоление. Рассказы / С. Бойченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907207-8

Сергей Максимович Бойченко — председатель Совета ветеранов прокуратуры Амурской области, авторитетный общественный деятель, в недавнем прошлом — работник прокуратуры, старший советник юстиции, который от стажера следователя районной прокуратуры, районного и городского прокурора поднялся по служебной лестнице до заместителя прокурора Амурской области. Его труд и после отставки многие годы был востребован правительством Амурской области. Имеет ведомственные награды.

ISBN 978-5-44-907207-8

© Бойченко С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1. Детство. Отрочество. Юность	8
Мой юный друг велосипед. Первые радости	12
Пал смертью храбрых	16
Не самый удачный день. Пчелка	20
Морское путешествие	23
Сказ о чужом кошельке	27
Тверже шаг, ребята!	30
Скелет из кабинета биологии	33
Напутствие орлана	37
Раздел 2. Рассказы прокурора	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Преодоление Рассказы

Сергей Бойченко

«Посвящается моим детям и внукам»

Фотограф Виктор Иванович Логачев

Иллюстратор Олеся Юрьевна Безденежных

Иллюстратор Татьяна Константиновна Ананьева

Иллюстратор София Сергеевна Губницкая

© Сергей Бойченко, 2018

© Виктор Иванович Логачев, фотографии, 2018

© Олеся Юрьевна Безденежных, иллюстрации, 2018

© Татьяна Константиновна Ананьева, иллюстрации, 2018

© София Сергеевна Губницкая, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7207-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

– Живут во мне воспоминания, – именно так с полным правом может сказать автор книги – прокурорский работник с многолетним стажем.

Наверное, есть какая-то закономерность в том, что человек, никогда не занимавшийся литературным трудом, вдруг берётся за перо. Или садится за клавиатуру компьютера. Хотя, согласитесь, слово «клавиатура» не так поэтично и литературно звучит, – не то, что «перо», да?

К определенному периоду жизни накапливается столько воспоминаний, что они требуют выплеска, требуют того, чтобы ими поделились с родными, близкими, коллегами, – да и просто с незнакомыми людьми. Благодаря таким запискам, читатель сможет набраться чужого опыта, что, кстати, весьма положительно, а то и встретиться с самим собой – с переживаниями и мыслями периода взросления: все родом из детства...

Сложилось так, что поделиться своим жизненным опытом однажды решил и автор книги, которую вы держите в руках – Сергей Максимович Бойченко. Человек он такой, что откладывать дело в долгий ящик – не в его привычках. Подумал – сделал. Биография автора – богата, его устные рассказы можно слушать долгими часами. Поверьте мне на слово: наши пути пересекаются в течение уже почти 40 лет! Потому не удивился, узнав, что мой давний знакомый занялся литературным трудом. Понятно, осмелился попросить рукопись. И прямо скажу, прочёл залпом, не отрываясь.

Чем мне стали интересны записки прокурорского работника Сергея Бойченко? Прекрасно понимал, что здесь не будет крутых детективных сюжетов «а ля братья Вайнеры» или «наворотов» придумщика Бушкова.

Знал, что не увижу в этой книге захватывающих воображение расследований преступлений в духе хрестоматийных авторов типа Джеймса Чейза или Аркадия Адамова. Вышеназванные авторы профессионально занимались литературой и свои рассказы щедро приукрашивали выдумкой, привлекая читателя сочиненными коллизиями, да и, попросту, сказать, враками.

А вот короткие и очень жизненные рассказы Сергея Максимовича – сотканы из правды. Они полны, на первый взгляд, малозначимых примет времени. Чего стоят только прищепки, которыми прихватывали штанины, чтобы те не попадали в велосипедную цепь! Или подростковое катание на тех же велосипедах «под рамкой»! Но именно эти детали и рисуют нам портрет времени, именно благодаря им мы и окунаемся в атмосферу 60-х – 70-х годов, в те годы, когда в деревне не принято было навешивать на дома замки, а проезд по пыльной улице полуторки считался у местных мальчишек чуть ли не событием мирового масштаба! В рассказах С. М. Бойченко живут прозрачные воспоминания о детстве, о приключениях времен взросления.

Но воспоминания о детстве – лишь малая часть книги. Вообще – это хронология жизни автора, и в большей степени она состоит из описания его профессионального становления, его пути от следователя-стажёра до заместителя прокурора области.

В ранней юности, раз и навсегда решив посвятить себя служению закону, он от выбранного пути не отклонялся. Гладким этот путь не назовёшь, как не назовёшь безоблачной всю жизнь Сергея Максимовича. С самых ранних лет судьба преподнесла ему «подарок» в виде тяжелого недуга. И с тех самых младенческих лет он научился преодолевать – трудности, лишения, собственные слабости. Бывало – и непонимание друзей; случалось – и предательство коллег. Но эти эпизоды биографии только способствовали еще большей твёрдости его характера, закаляли несгибаемость...

Но, мне кажется, я уже приступил к пересказу того, о чём вы прочтете сейчас сами.

Павел Савинкин, журналист

Раздел 1. Детство. Отрочество. Юность

Сладкие груши детства

В пять с половиной лет я практически умер.

Говорят, когда человек умирает, перед глазами проносится вся его жизнь. Возможно, у кого-то именно так и происходит, не знаю. А перед моими глазами просто нечему было и проноситься. Что я мог вспомнить в те свои младенческие годы?

Руки отцовские сильные – это понятно. Маму – теплую и ласковую. Деда моего, братьев... Что в головенке человека в таком возрасте возникает? Какие-то совершенно детские картинки – двор, тихое селение наше, петух драчливый...

Я родился в морозный январский день в Новокиевском Увале, в глубинке по тем временам. Он и в нынешние-то времена глубинкой считается.

На перевозе, между Сохатино и Новокиевкой, ходил небольшой паром. Если когда кого перевезти нужно было, – всегда пожалуйста, да приставали проходившие мимо пароходы... Там, кажется, до сих пор пристань сохранилась, хотя никто уже и не пользуется паромными переправами... Дед мой – Денис Эммануилович Нестеренко, был начальником этой пристани, мама – фонарщицей. Вообще, матушка моя – Мария Денисовна – работала. Да где она только не работала! Тогда руки умелые рабочие везде требовались! В том числе и в засолочном цехе. Для армии готовили впрок овощи. Уж как мастерски мама это делала – никогда более ничего вкуснее не едал! Она до самой смерти домашние заготовки проворила. В военное и послевоенное время каждый тянул ляжку за семерых. Нужно ли объяснять? В 1950 году мама начала работать телефонисткой. С позывным номером 1 проработала до самой пенсии. Позднее, как бы невзначай, рассказывала, что имеет награду за участие в событиях на озере Хасан. На таких труженицах, как мать, и держалась в лихие годы страна.

С отцом, Максимом Павловичем, она встретилась, как в кино показывают: шел солдат с фронта, и нужно было ему попасть в Сохатино, что напротив пристани на правом берегу реки Зея...

А вообще, если точнее, дело было так. Матушка моя вышла замуж до войны за Ивана Антоновича Каленского, у них появились на свет мальчишки – двое – Витя и Володя. Но её муж, отец моих братьев, погиб на фронте. И вот она одна, с двумя мальцами на руках. Так что, горя хлебнула сполна, что тут говорить.

А мой отец танкистом служил, механиком-водителем «тридцатьчетверки». Чуть ли не до победы прошли со своим экипажем на танке без единой вмятины, а уже ближе к завершению войны их подбили. Но ничего, обошлось, всем удалось выбраться, спастись, живы-здоровы остались, а танк нужно было ремонтировать. И вот пока технику латали, экипаж посадили на трофейную самоходку. Были такие: спереди – обычные колеса, сзади – гусеницы. Оно понятно, война, тут не до разговоров, кто чем воюет. Что под руку попало – тем и уничтожай врага! Главное, чтобы что-то бегало и стреляло – приносило пользу. Однажды, как потом рассказывал отец, передвигались они в составе танковой колонны, замыкая ее, немного отстали, а тут сгустились сумерки, снег повалил, густой, мокрый. В тех краях, под Кенигсбергом, весной такой снегопад – дело неувидительное. И вдруг сквозь снежную завесу видят – немецкие танки ползут. Наших еще не заметили, но это дело нескольких минут! Представляете, что произошло бы: получалось, что фашисты, не зная сами, в тыл к нашей колонне заходили. А тут родная немецкая самоходка с крестом! Немцы и пристроились сзади, идут след в след... Что делать? Слава богу, движение не ходкое – из-за ужасной видимости. Договорились не показывать виду, что заметили немцев, а сами решили сообщить по колонне. Выпрыгнул из самоходки старшина – и что есть духу – догонять танк, который шел впереди. Догнал, рассказал о ситуации. Быстро по колонне по связи командир танкового полка провел оперативное совещание, произвели перестроение, взяли немцев в клещи, и осветив их прожекторами, без единого выстрела

выиграли тот неожиданный бой. Комполка получил звезду Героя, а старшину потом медалью «За отвагу» наградили, хорошо бегал. Отец получил благодарность от самого Сталина.

Но вообще, с самого начала войны он был в пехоте. Воевал сначала помощником командира взвода, а когда в бою погибли командир взвода и роты, принял командование на себя.

В наградном представлении к ордену Красной Звезды написано, что во время жестокого боя, находясь под перекрестным минометно-пулеметным огнем, будучи раненным, не покинул поле боя, не бросил своих товарищей и метким снайперским огнем уничтожил 21 фрица. В документе именно так и написано «фрица»!

Однажды, дело было перед наступлением, из роты дезертировали два солдата. Не просто дезертировали – ушли к немцам! ЧП! Правда, надо отметить, солдаты были узбеками, они по-русски почти ничего не понимали, а уж по-немецки – тем более. Может, и хотели выдать какие секреты, да ничего у них не вышло. А немцы, увидев их бесполезность, раздели их, обрезали по пояс шинели – и снова к нашим с поднятыми руками отправили. А в военное время с предателями, сами знаете, – какой разговор. Короткий. Но тут тучи сгустились и над командованием роты: не уследили! Под горячую руку могли и вслед за дезертирами отправить! Но начался бой, не до разбирательств, и вовремя боя отца тяжело ранило – полгода потом в эвакуационном госпитале в Клину выхаживали. А когда дело к выписке подошло, явились в госпиталь «сваты» – давай каждый в свои войска сватать. Тут-то отец и подумал, что искать свою часть – себе дороже. Так и попал к танкистам. А что? Сколько было историй, когда кто-нибудь – не по злобе, просто в житейском разговоре – мог, например, похвалить немецкую технику, оружие – и всё, в штрафбат, а то, и того хуже, – расстрел перед строем. Война для отца закончилась 10 апреля 1945 года, когда он вместе со своим экипажем «тридцатьчетверки» наряду со всеми взяли штурмом крепость Кенигсберг.

После войны отец не сразу домой пришел, не всё ж просто делается. Они потом еще помогали немцам хозяйство восстанавливать, затем, когда Японии войну объявили, две недели в теплушках сидели, ждали, вот-вот опять на фронт отправят. Но война с Японией быстро закончилась, однако для солдата дело нашлось – еще несколько месяцев продолжали оказывать помощь немцам.

Ну, а потом демобилизация, возвращение домой. Ехал-то победителем, а вот куда... Дома никто не ждал: супруга сгинула, детей не было. В общем, возвращался в родные места, подошел к пристани, что напротив села Сохатино, вещмешок за спиной, форма военная, на груди ордена и медали, а мальчишки – мамкины дети, увидев издали солдата, приняли его за отца, и с радостными воплями к нему, на грудь бросились. Вот ведь как бывает. Так он и заменил им отца.

Уже потом, когда они с матушкой официально расписались, он настоял, чтоб фамилия у мальчишек отцовская осталась, чтобы помнили свою родовую. И за это они по сию пору благодарны ему, что не дал прерваться линии Каленских.

А там и я на свет появился. Между прочим, немного от темы отклонюсь, но скажу, что в Параде Победы принимал участие танк под номером 23, доставленный из Калининграда. Отец рассказывал: у его танка такой номер был. Хочется верить, что это был танк именно моего отца. Разве может это не вызывать гордости?!

Так вот, родился я, жизнь мирная уже всю налаживается, про трудности говорить не буду – у меня-то, несмышленища – какие могли трудности быть? Живи, расти, науку жизненную осваивай. Я и осваивал, коров не боялся, была и у нас коровенка, от вредного петуха отбиваться научился, по улицам деревни гонял, как и все – что еще надо?! Но неожиданно пришла беда.

Как-то по лету – родители были на работе – мой друг Юра Лещенко со своей матерью пошли в лес за голубицей, я и упросился пойти с ними. А идти – не ближний свет, считай, 12 километров до Березовки. Была раньше в наших краях такая деревенька. Для того, кто

повзрослей – не расстояние, но для меня, мальчика, пройти столько – подвиг. Остаться одному дома, когда впереди лес и сладкая ягода!

Нарвали ягоды – и обратно, а я уже и устал почему-то, хотя не считался слабаком, уже и пить очень хочется, и слабость в теле, и ноги не идут, присел возле кусточка – не могу идти дальше – и всё тут! А надо мной подсмеиваются: эх, мол, ходок, обуза только. Давай, дескать, возьми себя в руки, пойдем! Попытался... Кое-как дошли до моего дома, сел я на лавочку, и больше не встал. Онемело у меня всё, и говорить не могу. У меня спрашивают что-то, а я слышать-то – слышу, а в ответ – ну, никак, ни словечка! Всё понимаю, а будто не живой!

Взял меня дед в охапку – и в больницу.

Так началась моя больничная эпопея. Врачи никак не могут определить, что со мной, говорят, дескать, паралич, вирус какой-то, не понять ничего.

И провалился я в районной больнице несколько недель. И лечить толком не лечили и улучшения никакого, а только хуже.

Спасибо, работала в больнице медсестра корейка тётя Катя Нюдэ. Она доктору все уши прожужжала, что у меня полиомиелит, а тот ни в какую не слушает, мол, не лезь не в свое дело! А я день ото дня всё угасаю и угасаю. Наконец, медсестра всё же настояла, чтобы меня в Благовещенск отправили, в детскую больницу. Вызвали санитарную авиацию, посадили нас с матушкой на самолет «У-2», кто на таком самолете двухместном не летал, никогда не сможет себе представить, что это такое. Я на руках у матери, она меня к себе прижимает, попали в грозу, сверкала молния, болтало так, что казалось, будто наизнанку выворачиваюсь.

Добрались до города. Оказался я в больнице в инфекционном отделении в палате с такими, как я, инфицированными детьми, а времени-то уже сколько прошло! Оказывается, была эпидемия. В общем, лекарствами какими-то меня, конечно, напичкали, но мне совсем худо стало. Видел, как иногда из палаты выносили умерших, слышал, как горько рыдали их матери. Пошел второй месяц моих там мытарств, и врач сказал матушке, что надо ей уезжать, мол, не дело ждать не понятно какого конца. Сам-то понимал, какого. И матушка всё тоже поняла.

И вот, помню, склонилась она надо мной, сама плачет, целует меня, а меня уже, как и нет. Ну, всё. Конец. Умер. Уж и не знаю, как получилось напоследок глаза приоткрыть. Вижу, мама уже в дверях палаты, вижу, как она оглянулась, чтобы взгляд последний на меня бросить. И тут я, который три месяца молчал, который не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, вдруг вымолвил. То ли прошептал, то ли промычал, а может, прошептал так, что криком это вышло – в общем, вырвалось у меня из горла: «Ма-а!»

И, наверное, именно в этот момент Смерть, уже готовая меня с собой забрать, и отступилась! Какая-то неведомая сила подняла меня с кровати, сделал я один шаг и упал. Матушка бросилась ко мне, опять рыдает, целует, шепчет что-то, прибежавшему доктору лепечет, мол, заговорил, живой. Тут как-то всё и завертелось, и опять вокруг меня забегали люди в белых халатах, и что-то во мне самом произошло, какая-то живинка появилась, почувствовал я в себе некую силу, некую тягу к жизни. Вряд ли можно словами объяснить то мое состояние, но если просто – то почувствовал я, что мои мучения заканчиваются.

И дело очень быстро пошло на поправку.

Заново заговорил буквально через неделю, а там и начал бегать по больничному саду и просил маму, сбивать уже поспевшие груши.

Знали бы вы, какими сладкими казались мне эти груши! Кажется, до сих пор ощущаю во рту сладость тех груш моего. не самого сладкого, детства...

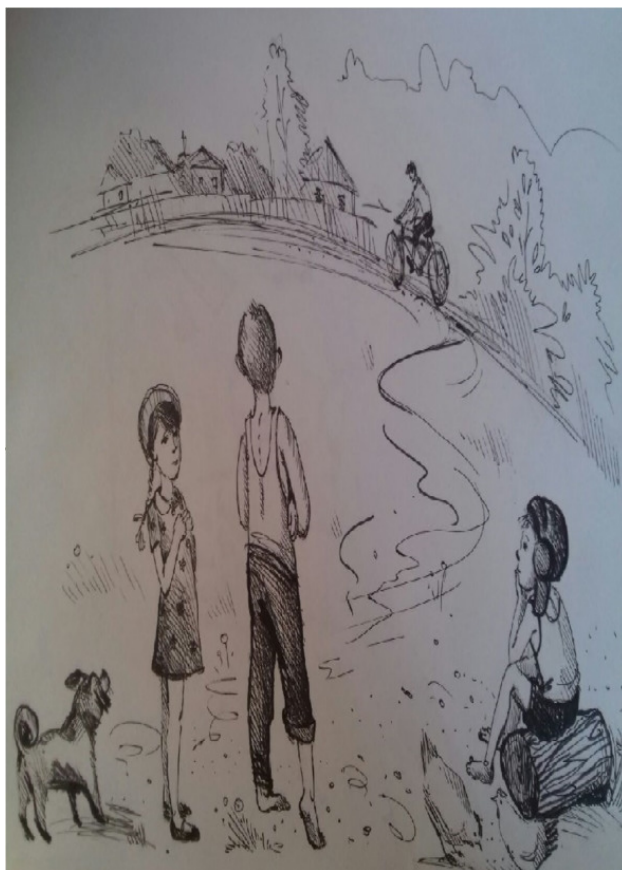
Так что, сказав, что в пять с половиной лет умер, я неправильно выразился: в пять с половиной лет по-новому родился.

Мой юный друг велосипед. Первые радости

Разве можно передать словами ту радость, которую испытывал, когда меня выписали из больницы?! Радость от того, что могу ходить, бегать, прыгать, – делать всё то, что было естественно для моих сверстников, и чего совершенно неожиданно и мгновенно на несколько месяцев лишился. Мое тело будто наверстывало упущенное, был постоянно в движении, казалось, я совсем-совсем не устал!

Конечно же, после победы над смертельным недугом был окружен повышенным вниманием и заботой близких и знакомых. Несмотря на то, что жили мы небогато, как и все в округе, меня баловали подарками. Из них на долгие годы запомнился первый в моей жизни велосипед.

Этот транспорт в те шестидесятые годы считался чуть ли не роскошью. Не каждый взрослый мог позволить себе купить это немудреное средство передвижения, а чтобы позабавить им подростков – на такую покупку нужно было долго копить. Зарплаты были – смех один, деревня и выживала-то за счет своего подсобного хозяйства. А на «велике» умудрялись перевозить и сено, и даже дрова... Иной раз столько понавьючат на бедный велосипед – думаешь: верблюд-не верблюд по дороге движется.

У нас, хоть и изрядно потрепанный жизнью, велосипед был, латанный-перелатанный, но на ходу. На нем катались старшие братья, и иногда по делам ездил отец. Почти все мальчишки катались на родительских велосипедах «под рамкой», поскольку не доставали от седла до педалей. Такую же школу прошел и я. Чтобы цепь не зажевала шестерней штанину, ее подвешивали и скрепляли бельевой прищепкой. В нашем сельском хозяйственном магазине велосипеды продавались редко, а если они появлялись в продаже (как тогда говорили: «выбрасы-

вали»), то раскупались мгновенно. Узнав, что велосипеды поступили в магазин, чуть ли не всей улицей бежали поглазеть на такой транспорт.

Родители, опасаясь, что могу на большом велосипеде разбиться или повредить ноги, пообещали купить детский велосипед, но при условии, что не буду корезиться на взрослом: после болезни кости мои были совсем слабыми. С каким нетерпением ожидал этого события! Но, скажу вам по секрету, всё равно, когда взрослых не было дома, украдкой все же брал велосипед и гонял по селу.

Бывало, к нам по праздникам, а то и просто по-приятельски в будний день, заходил в гости знакомый родителей дядя Филипп Паламарчук. Он работал в клубе киномехаником. Дядя Филипп воевал на фронте с фашистами. Его многие знали и уважали. Детей у него не было, и дядя Филипп как-то по-особому заботливо относился ко мне: то угощал конфеткой, то приносил ягоду. Жил он от нас через одну улицу и всегда летом приезжал на трофейном дамском велосипеде. Каким образом он смог привезти велосипед из Германии, неизвестно, но велосипед был – всем велосипедам велосипед! Усиленные никелированные обода с такими же блестящими спицами, на руле закреплены рукоятки ручного тормоза, а спереди – фара, которая во время движения давала свет от маленького генератора, закрепленного на вилке велосипеда. Генератор давал ток от трения привода о поверхность колеса. Коричневое кожаное сиденье опускалось так, что я мог доставать до педалей. Над крылом заднего колеса был прикреплен багажник и металлическое сиденье, предназначенное для пассажиров. Когда дядя Филипп гостил у нас, он один час разрешал мне покататься на своем чудо-транспорте. Но с условием: велосипед никому не давать.

Гордый оказанным доверием, я мчал в клубный сад, где рассекал на «велике» по аллеям. Клубный сад – это огражденная добротным забором березовая роща с красавицами-березами. Помимо ипподрома, стадиона, где предусматривалось почти всё для различных соревнований, на территории сада имелись площадки для игры в волейбол, баскетбол, для прыжков в длину и высоту, тир, качели и турники, ну и, ясно, танцплощадка. Песочницы с грибками для детей располагались на специально вырубленной от деревьев солнечной стороне. Имелись беговые дорожки и садовые аллеи. Сад был для сельчан и гостей любимым местом отдыха и проведения праздников. Клубным сад назывался лишь по той причине, что примыкал к районному Дому культуры, который привыкли просто называть клубом.

В один из дней из Райчихинска приехал на выходные мой брат Виктор – он жил там у тетки Насти. Виктор, ожидая призыва в армию, после школы уехал работать на Райчихинский стекольный завод.

Домой брат привез свой первый заработок и отдал его матери, но она сказала, чтобы своими деньгами он распорядился сам, потратил на самое необходимое. Витёк дал двадцать рублей отцу и пояснил, что это Сережке на обещанный подарок. Родители добавили еще пятнадцать рублей и втайне от меня купили велосипед.

Утром, проснувшись, я вышел из дома во двор и обомлел: у крыльца стоял сверкающий краской новенький велосипед. На руле прикреплен звонок, к рамке – сумка для ключей с велоаптечкой и серебристый насос; на раме красовалось название: «Школьник».

– Вот, сынок, это подарок от нас с твоим братом. Береги его! – Сказал отец.

Растроганный, я бросился к Виктору и к родителям благодарить за полученный подарок. И тут же стал опробовать велосипед на ход. Пахнувший свежей смазкой, кожаным седлом, велосипед вел себя безукоризненно: работали тормоза, звенел звонок и легко крутились педали со встроенными светоотражателями из красного рифленого стекла.

Проехав под завистливые взгляды ребят с одного в другой конец улицы Киевской, я остановился у лавочки возле нашей калитки. К этому времени у дома собралось с десятков ребят не только с нашей, но и соседней улицы Луговой. Весть о моей обновке разнеслась по селу, каждый хотел взглянуть хоть глазком. Кто тренькал звонком, кто рассматривал насос. В общем,

моих приятелей интересовало всё, и я охотно показывал свой подарок. Потом, освоившись, ребята поочередно стали просить дать им прокатиться. Пока дома не было родителей и брата, я согласился и отдал велосипед первому моему другу Юрке Лещенко. Вот тут всё и началось.

Не успеет слезть с велосипеда очередной ездок, как руль быстро выхватывался, на велосипед прыгал следующий очередник, и «велик», как маршрутный автобус, уходил в очередной заезд. И так этот «челнок» ходил туда-сюда до тех пор, пока Вовка Демидович не вернулся обратно, ведя велосипед в руках. Растерянно пожимая плечами, он сказал, что велосипед сломался.

Мы все стали смотреть, что же случилось, и можно ли починить, исправить поломку. Но поломка оказалось больно серьезной. Педали велосипеда крутились, а тормоза не работали. Вовремя прокручивания педалей большая и малая шестерни вместе крутились, а колесо стояло на месте без движения. Все сразу разбежались по домам, чтобы не попало. Оставшись один, я горько заплакал от обиды.

Узнав о происшедшем, отец и брат сильно меня не ругали, лишь бурчали, ссылаясь на плохое качество поломанной детали. На следующий день отец поехал на работу и забрал с собой заднее колесо. Вечером он принес колесо домой и сказал, что токарь выточил такую же деталь из какого-то особо прочного металла, и теперь сносу не будет. Закрепил колесо на раме, проверил, все ли работает, улыбнулся и сказал:

– Ну, вот и все, можешь ломать дальше.

К велосипеду с тех пор относился бережно, тщательно за ним ухаживал, смазывая цепь и подшипники в обоймах на втулках колес, поддерживал одинаковое давление в шинах. Несмотря на это, хлебнул с ним горя, да не один раз. Однажды наехал передним колесом на небольшой камень, от чего руль выбило из рук, по инерции я налетел на руль лицом, ударившись зубами о крепежный болт, да так, что полетели искры из глаз. Из рассеченных губ текла чуть ли не ручьем кровь, а во рту что-то было лишним. Как оказалось, это были кусочки обломанных наполовину двух передних зубов. О ЧП не стал никому из взрослых рассказывать, чтобы не поставили велосипед на прикол. Как какой-то собачонок зализал в прямом и переносном смысле слова свои раны и продолжал гонять своего «Школьника» до тех пор, пока со мной не произошло очередное происшествие.

К новому учебному году мне справили серые шерстяные брюки, пошили вельветовую курточку и купили новые ботинки и сандалии. Вот такой наряженный поехал в школу на торжественную линейку. Все было здорово, старшеклассники подарили воздушные шарики, и я довольный, прицепив шарики к рулю после линейки, покрутил педали к своему дому. Всегда перед поездкой на правую штанину цеплял прищепку, чтобы брюки не попали в цепь. И на этот раз поступил также, но доехав до школы прищепку снял, а вот, когда возвращался обратно, то забыл прицепить. Эта забывчивость могла стоить мне и жизни. Уже рядом с домом штанина попала в цепь, и её так затянуло, что я с велосипеда кубарем полетел на землю. Как голову не свернул – непонятно, а сверху на меня со всего маха обрушился мой железный друг. Когда я более-менее пришел в себя, то увидел, что край штанины на два зуба шестеренки зажат цепью. Решив, что можно освободиться без снятия цепи, приподнял велосипед и, удерживая, стал прокручивать правой рукой шестерню, а левой оттягивал штанину чтобы сильно не замарать о смазку. Шестерня вдруг легко поддалась и большой палец моей левой руки, насквозь пробитый зубом шестерни, молниеносно оказался в шестерне зажатым цепью.

От дикой боли так взвыл, что из соседнего дома выбежали сосед Генка Пешкин и его мать тетя Мария. Генка быстро открутил колесо и ослабил цепь, освободил мой палец и штанину. Когда палец освободили, кровь как из брандспойта хлынула на одежду. Ещё больше корчась от боли, я продолжал завывать, обливаясь слезами. Родителей дома не было, и тетя Мария увела меня к себе домой, где вначале палец отмыла бензином от смазки, а потом сунула в какой-то раствор. Кровотечение уменьшилось, а потом, когда палец засыпали стрептоцидом, замотали

в подорожник и обмотали бинтом, кровь и вовсе перестала течь. Мне дали какую-то таблетку, и боль немного утихла.

Тетя Маруся постирала в холодной воде брюки и курточку, и вывесила на ветер на улице. Одежда быстро высохла, она уютно – ещё «доисторический», на углях, от него шел вкусный запах, как от костра – ловко все погладила и, как мне показалось, одежда ничем не отличалась от новой. Палец был похож на клубок шерстяных ниток или на красный нос клоуна, поскольку на марле красовалось пятно выступившей и засохшей крови. В таком виде я предстал перед отцом с матерью.

Батяня быстро отвез меня в больницу. Дежуривший хирург, осмотрев рану, промыл ее вновь в каком-то растворе и обмотал палец бинтом, сказав, что до свадьбы заживет. Палец стал еще больше, напоминал хорошее полено. Неделю ходил на перевязку, с опаской поглядывая на свой велосипед, и не прикасаясь к нему. Но когда рана затянулась, покрывшись коркой, и повязка больше не требовалась, я повеселел и вновь стал с упоением гонять на «Школьнике».

А шрам на пальце и выцветшая фотография, где я снят вместе со своим другом «Школьником», до сих пор напоминают о тех славных днях. Всё плохое и физическая боль быстро забываются. А в памяти даже всякие неудачи и несуразности всплывают так, что вызывают добрую улыбку и спокойное душевное тепло...

Пал смертью храбрых

Случилась беда – попал под машину наш пес Барсик. Зла он никогда никому не причинял, разве что, лаял иногда по ночам – так и то, не по злобе своей, а больше с испугу. Пёс-то был не сторожевой, не волкодав какой, а так, про таких говорят «двортерьер». Детвора в округе любила Барсика, поскольку был он вполне себе добродушный и легко откликнулся на предложения поиграть, поучаствовать в забавах. Пёс постоянно играл с детьми, те постоянно с ним возились. В общем, был, что называется, своим, только на четырех ногах. И вот его не стало, и я долго не мог пережить эту утрату: все-таки потерял настоящего друга, своего соратника во всех детских проказах-приключениях.

Долго не мог успокоиться, места себе не находил. Чуть что – вспоминал, как мы с Барсиком то на соседских кур засаду устраивали, будто в тайге на живность дикую, то в пограничника Карацупу играли – да мало ли. И снова слезы на глаза наворачивались.

Как-то в гости к нам приехал дальний родственник из Свободного – он работал участковым. Узнав о моём горе, пообещал подарить овчарку.

В один из дней, когда я, возвращаясь домой из школы, открыл калитку во двор, из собачьей будки выскочила овчарка! К тому времени, ожидая обещанного, я все перечитал об этих собаках и сразу определил породу: восточно-европейская. Глаза собаки сверкали, пасть была оскалена, она бросилась на меня, а я замер, как вкопанный, сильно испугавшись такого оборота. Буквально в метре от меня собака вдруг перевернулась и упала. Ее сдержала мощная цепь, которой собака была привязана к будке. От боли (а скорее, от злости) овчарка страшно зарычала, а потом залилась остервенелым громким лаем. Из дому вышел отец, загнал овчарку в будку и укоротил цепь.

– Вот тебе собака! – сказал отец, – зовут ее Дженни. Не простая собака – это смесь волка и овчарки. Она служила в колонии, и ее списали по возрасту.

Я расстроился: не ожидал, что собака, которую мне обещали в подарок, окажется такой недружелюбной!

Но отец заверил, что через месяц Дженни привыкнет, надо только постараться найти с ней общий язык. И действительно, постепенно мы притирались друг к другу. Я угощал ее сахаром, подбрасывал кусочки мяса, – не то, чтобы задабривал, нет – дрессированную умную собаку подачками не возьмешь! Просто разговаривал с ней, объяснял, что теперь мы должны быть «не-разлей-вода». И, мне кажется, она вполне понимала. Буквально через неделю стала вылезать из будки навстречу мне, ранее всё время дичилась, наружу и не высывалась. Наконец, позволила погладить себя.

И вот глажу ее, а самому бросилось в глаза, что Дженни, похоже, принесет щенков. Позвал отца с матерью, и они подтвердили, что скоро будет приплод. Вот поэтому-то, догадался я, она и оказалась такой злой и неприступной. Через две недели у Дженни появились щенки – их было двенадцать. Щенята оказались крупными, с одинаковым окрасом, но двое из них – явно крупнее остальных. За щенками тут же, образно говоря, выстроилась очередь желающих. Батяко потирал в оживлении свой нос и говорил, вот, мол, Дженни молодец, – будет магарыч!

Однако, утром следующего дня мать обнаружила, что почти весь выводок – не выжил, – остались только те, что были крупнее остальных. Мы побежали смотреть, и правда, Дженни вынесла их из будки и выложила в ряд, не было только тех, которых приметили мы. Дженни оставила их жить. Что это было – природный инстинкт или что-то иное – трудно сказать, видимо, она специально оставила более сильных.

Щенки быстро росли, и на семейном совете решили назвать того, что был покрупнее и почему-то серо-пепельного цвета – Туманом, а второго – поменьше – Дозором. Дозора отец отдал своему племяннику, а Тумана мы оставили себе.

Однажды Дженни сорвалась с цепи, порвала нескольких собак, что бегали мимо дома, загнала соседа, который приехал с лесозаготовок и был одет в ватник и телогрейку, на дерево, и никого не подпускала к нему, пока не приехал отец. Народ начал жаловаться, роптать, что, дескать, здесь не колония, а они не зеки. И тогда отец отвез Дженни в свое родное село Сохатино, где она потом долго несла службу, охраняя совхозное добро.

Туман же постепенно подрос и стал мощным кобелем. В нем были собачья стать и красота. Он добросовестно охранял дом, сидя на цепи. Особо не лаял, но, когда кто-нибудь заходил во двор, он просто молча подбегал на всю длину цепи по проволоке, садился напротив вошедшего, и не давал тому двинуться, до тех пор, пока кто-нибудь не выходил из дома. После чего отходил в сторону и ждал команды.

Мой старший брат Владимир натаскал Тумана на охоте, и тот бесстрашно держал лося и кабана, мог легко догнать косулю (тогда их было множество, не то, что сейчас, да и пугливы особо они не были).

Володя говорил, что цены нет нашей собаке: на охоте Туман – генерал!

Когда заканчивался охотничий сезон, Туман опять исправно исполнял свои обязанности по охране дома.

Мы, подростки, часто хвастались своими собаками и иногда устраивали уличные собачьи бои. Однажды, не спросив разрешения, я взял Тумана на такую собачью драку. Нашему питомцу пришлось драться с мощной беспородной собакой Джеком – высокой, коварной. Джек всегда был цепным и потому очень злым.

Когда отпустили ошейники, Джек по команде хозяина налетел на Тумана, и произошло это так быстро, в одно мгновение, что я не успел дать нужную команду своему псу.

Джек с ходу вцепился Туману в горло, и тот, бедный, от боли и неожиданности завизжал. Я сильно испугался и пожалел, что ввязался в эту затею. И вдруг Туман невероятно каким движением сбросил с себя Джека, набросился на него и рванул за спину так, что послышался хруст. Собака сразу обмякла, а Туман начал давить её. Хозяин Джека Аркашка заплакал, – тоже испугался – и стал просить оттащить Тумана. Но ни команды, ни палка не могли остановить эту очень серьезную драку. Мальчишки побежали за водой и кое-как отогнали Тумана. Он стоял в нескольких шагах с окровавленной мордой и рычал, а Джек лежал растерзанный, но еще живой.

И тут вдруг одна из собак неожиданно вырвалась из рук своего хозяина – уже и не припомню ни клички собаки, ни хозяина, и бросилась на Тумана. Но тот опередил ее, хватанул за бок, собака завизжала от боли и бросилась наутек. Туман догнал и начал трепать за шею, и бросил только тогда, когда собака перевернулась на спину и как бы подняла лапы, мол, сдаюсь.

Туман обернулся – и вовремя: ребята решили отомстить за побитых собак и спустили на него оставшихся трех здоровых дворовых псов, и те с остервенением набросились на Тумана. У меня промелькнула мысль – всё, пропал бедный Туман.

Но мой стойкий пес дрался, как герой, хватал соперников за брюшину и за горло. Одна собака прихрамывая отскочила в сторону, и мы, поняв, что он сейчас передавит всех, бросились разнимать свору, уже не жалея и себя. Я огрел палкой своего родного пса, Туман отскочил, и, как мне показалось, с удивлением, с непониманием посмотрел на меня.

Разгоревшаяся драка вряд ли бы скоро закончилась, если б не подъехал мой брат. Он уже вполне по-взрослому отвесил кому подзатыльника, кому пинка, разогнал нас и собак по стономам. И, надо сказать, вовремя всё сделал: еще чуть-чуть, и все бы перекалечились: и мои приятели, и наши питомцы.

Туман из той кровавой схватки вышел победителем, но ему, как и мне, хорошо досталось, и мы долго зализывали раны: он физические, а я моральные.

Джек, первый участник драки, не выжил. За гибель пса отцу пришлось заплатить деньги хозяину. По селу разнеслась весть, что наша собака – самая сильная и самая злобная. И с тех пор по нашему кварталу, особенно мимо нашего дома, собаки не бегали, да и собачьи бои закончились.

А Туман продолжал верно служить нашей семье, и всегда, когда в руках он видел рюкзак и ружье, радостно лаял. Если его не брали на охоту, жалобно и отчаянно скулил, а то и начинал завывать, как настоящий волк.

Батя, не выдерживал воя и отпускал собаку с цепи. Туман, не дожидаясь, когда ему откроют калитку, в один прыжок перелетал через забор и бежал на протоку, откуда охотники переправлялись на Граматуху. Не найдя брата, долго ожидал на берегу, а потом уходил промышлять в знакомые березовские и октябрьские или топтушинские околки. Его не было дома по 2—3 дня, приходил с добычей, приносил либо зайца, либо енота. Однажды принес крупного барсука. Батя освежевал его, а вернувшийся с работы брат стал нахваливать Тумана. Тот повилял хвостом от удовольствия и, отказавшись от предложенной ему сахарной косточки, перемахнул через забор и убежал. Часа через два он вернулся, держа в зубах еще одного барсука – чуть поменьше первого. Брат догадался, что он нашел нору и, видимо, передавил там зверей.

Только он об этом подумал, как Туман снова через забор – и был таков. Вернулся уже к вечеру со здоровым барсуком, бросил его на землю у крыльца и стал жадно лакать воду. Морда была разодрана, в крови, чувствовалось, что с этим барсуком ему пришлось нелегко.

Позднее, когда брат уехал по делам в Ленинград, зимняя охота для Тумана закончилась. Туман изнывал на цепи от безделья, заискивающе смотрели его глаза, вымаливая возможность вырваться в лес, и я сдался.

И до сих пор жалею, что отпустил его. Почувствовав свободу, пес рванул к забору, потом вернулся, подбежал ко мне, уперся лапами в грудь, лизнул меня (так сказать, отблагодарил) и в мгновение перемахнул через забор.

Прошла неделя. Собака не возвращалась. Отец сказал, что, наверное, опять выследил барсуков и пока их не передавит – не придет, будем ждать, никуда он не денется. Но прошла вторая неделя, а его все не было.

Мы загоревали, а батя стал меня поругивать. В воскресенье к обеду появился Туман, на него, стоящего перед калиткой, было страшно смотреть: выступали, как на скелете ребра, а передняя правая лапа – отгрызена! Нога была распухшей до невероятных размеров. Он виновато и с мольбой о помощи глядел на нас. Когда осмотрели раны собаки, то поняли, что он угодил в волчий капкан, и чтобы освободиться, сам себе перегрыз ногу.

Прибывший по вызову ветеринарный врач сказал, что у Тумана гангрена, что его уже не спасешь, и за лечение он не возьмется.

Надо было как-то спасти нашего любимца. Отец, сказав, что на войне и не такое видел, решил взяться за дело сам. Поступил он вполне по-солдатски, по-воински, как поступали, наверное, тогда, когда нужно было хвататься и за соломинку.

Он залил Туману стакан водки, надел на него намордник, запеленал его, оставив только израненную ногу, и потребовал нашего ухода, чтобы мы не видели, как он будет делать операцию.

Через полчаса отец вошел в дом, налил себе на кухне полный стакан водки и залпом выпил. Я заметил, как мой суровый отец вдруг смахнул с лица накатившую слезу. Мы с матерью в один голос воскликнули: «Что, пропала собака?»

Отец махнул рукой в сторону летней кухни, мол, идите, смотрите.

Туман лежал на медвежьей шкуре. Бросилась в глаза забинтованная культя. Его дыхание было ровным, и он слегка похрапывал. Пьяный спит, проснется – посмотрим, выживет или нет.

Утром услышали лай и все разом вышли во двор. Мать открыла двери кухни – на пороге стоял на трех ногах Туман, едва помахивая хвостом. Неделю его кололи антибиотиками и уха-

живали, как за ребенком, а примерно через месяц уже и перестали бинтовать, и Туман зализал свою рану. Ветеринар потом долго удивлялся, как же вы, Максим Павлович, так сумели? Отец ухмылялся и говорил, что помогли водка и собачий характер.

Туман продолжал охранять дом, но на цепь его уже не сажали, и он свободно бродил по двору или огороду. А когда кто забывал закрыть калитку, он выходил за пределы двора. Однажды неожиданно пропал, целый день его нигде не было видно, а к вечеру отец пошел к стогу сена, что стоял в огороде, за кормом для нашей кормилицы-коровы Жданки. Корова была встревожена, мычала, чего за ней раньше не наблюдалось. В чем же дело? Отец разворошил стог и увидел мертвого Тумана с огнестрельной раной в груди. Какой – то гаденыш выстрелил в собаку.

Отвезли Тумана к лесу, который всегда манил к себе нашего любимца, и там схоронили.

На обратной стороне любительской фотографии, где был запечатлен Туман, отец написал:

«Собака по кличке Туман. Погиб смертью храбрых».

Не самый удачный день. Пчелка

Наверное, и с вами случалось: как не задастся с утра, так весь день всё из рук валится. И тут не знаешь, кого винить, на кого все беды сваливать. А и не на кого – просто стечение обстоятельств!

Как все мальчишки моего возраста, я вовсю помогал родителям и по огороду, и по дому, и вообще по хозяйству. Никаких поблажек не было: никто не делал поправки на перенесенную болезнь и на возраст. Да я и сам никогда не жаловался на недомогания – чувствовал себя полноценным мужчиной, старался всё делать по-взрослому, во всём походить на отца и на моих старших братьев.

Родители с утра уходили на работу, а я должен был насыпать зерна и поставить воды курам, почистить в стайке у коровы Жданки, положить ей навильник сена, съездить за водой для нашей кормилицы. Всё это должен был успеть сделать до обеда, потому что занятия у нас – у четвертых классов – начинались во вторую смену. А, значит, еще должен был успеть сделать уроки.

Делал я всё по-быстрому, проворно, – часам к десяти соседские парни за окном вовсю высвистывали, мол, Серёга, давай к нам, сюда! И, конечно, хотелось и в «войнушку» поиграть, и на саблях, сделанных из талы, посражаться! Сами понимаете, детвора, если захочет, столько забав и приключений себе придумает! Вот и торопился управиться со своими обязанностями. И у меня всякая работа спорилась, очередность раз и навсегда заведена, одновременно выполнял сразу несколько дел: нес воду Жданке – попутно заливал курам, тащил корове сено – на обратном пути забирал у кур яйцо. И всё это на бегу, как заведенный.

Первые две заботы – уход за коровой и пернатым царством – были довольно легко выполнимы, раз-два – и готово. А вот привезти воду было гораздо труднее. Вначале носил воду в вед-

рах на коромысле из колодца, который выкопал и обустроил ещё мой дед Денис. Кстати сказать, колодец до сих пор жив-здоров и радует сельчан вкусной чистой водой. А потом отец сделал коляску, на которую цеплялся бидон, и можно было катить, не прилагая особых усилий. Трудно было поднимать воду из колодца, такой он был глубокий. Тогда я не знал, сколько метров у него глубина. Уже постарше, когда мы зимой с ребятами чистили сруб, сбивая намерзший лед, и спускались до поверхности воды, оказалась, что его глубина четырнадцать метров!

Представляете?

И так бежали дни за днями, и всё шло своим чередом, и ничего не менялось, и я исправно выполнял свои обязанности, но однажды, в один из сентябрьских дней что-то пошло не так.

Поначалу-то всё было как обычно: быстрый подъём, завтрак, проводы родителей на работу – и бегом дела проворить! Уже и с петухом разобрался – тот вечно норовил подкрасться сзади и клюнуть побольнее! Уже и зерна курам подбросил – ох, и подняли гвалт, раскудахтались! Уже и по воду отправился, бидон почти полный был, осталось еще одно ведро достать – вот тут-то меня и подкараулила беда. Я опустил ведро, чувствую оно наполнилось, начал его тянуть, почувствовал, как цепь напряглась – а ведро немаленькое, да тяжелое, кованое, тут и взрослому-то непросто управиться, не то, что мне, мальцу! И в этот момент прямо под глаз меня ужалила невесть откуда взявшаяся пчела.

От неожиданности и боли я отпустил рукоятку барабана, на которую накручивалась цепь с тяжелой бадьей, и та рухнула вниз. Боясь, что от удара бадья может оторваться и утонуть, я попытался ее удержать, схватив за рукоятку барабана, но тот под тяжестью бадьи с водой раскрутился так, что у меня не хватило сил остановить вращение. Рукоятка, которую я держал правой рукой, залепила мне прямо в лоб!

От боли и обиды я взвыл так, что ко мне побежали проходившие мимо мужики. Глядят на мою мгновенно распухшую физиономию, ничего понять не могут, да и сам я в неведении – всё же случилось в доли секунды, попробуй сообрази, что произошло. Сквозь слезы я попытался мужикам что-то объяснить. Как давай они смеяться! Им смешно, а меня обида не отпускает, и под глазом жжет, и на лбу бугор вызревает. А в голове уже проносится, что и с друзьями не удастся побегать, и в школу идти в таком виде как-то не очень, и вообще, день совершенно испорчен...

Соседи посмеяться-то посмеялись, но потом достали бадью и наполнили бидон, а мне дали кусочек льда из колодца, чтобы я приложил его ко лбу и глазу. Потом посмотрели на меня, горемычного, всего в слезах, да и помогли докатить тележку с бидоном до дому.

В школу из-за этого происшествия на первый урок чуть-чуть опоздал, забежал в класс последним. Я – в дверь, и все одновременно повернулись в мою сторону. И будто гром раздался: так дружно все рассмеялись! Стою перед нашим учителем начальных классов Анной Кузьминичной Тереховой, извиняюсь за опоздание, а у самого мысли путаются, переступаю с ноги на ногу, понимаю, что «видок» -то у меня тот еще... Спрашивает Анна Кузьминична, что же со мной произошло. А я – как после хорошей драки или будто с поля боя: на лбу – огромная шишка, левого глаза не видно, заплыл совершенно, сам я растерян и смущен, а тут еще внимание всего класса.

– Пчёлка укусила... – Отвечаю тихим голосом.

– Пчёлка?! – Тут класс в очередной раз зашелся в приступе хохота. И со всех сторон полетели шутки, что пчелка была размером с «мессершмитта», и что она, наверное, была с бомбой, и что, скорее всего, я играл в бой быков. Да, много чего я успел услышать, пока Анна Кузьминична не навела порядок.

На одноклассников я не обижался, понимал, что они не со зла. Но настроение, конечно, на весь день было совершенно испорчено, все уроки просидел я букой, не озоровал на переменах, ни с кем не общался. Говорю же: не задался день.

Наверное, и с вами случалось: уж как не задастся с утра...

Морское путешествие

Несколько дней я ходил по дому с загадочным видом. Даже мать несколько раз с недоумением взглянула на меня, мол, что это со мной. Но я старался держаться как обычно, изо всех сил сохраняя появившуюся у меня тайну. Дело в том, что наш уличный командир, сын участкового, Валерка Хомяков, собрал Совет, на котором объявил, что задумал морское путешествие, для чего ему понадобятся моряки. Говорил полушёпотом, чтобы никому из шпионов – могли оказаться и такие – не удалось подслушать его планов.

Вообще, Валерка был общепризнанным командиром, – кому, как ни ему, приходили в голову самые смелые фантазии и неожиданные задумки! Под стать были и его помощники: Толя Переломов и братья Пушкаревы. Ну, а мы, мелкота, беспрекословно слушались и выполняли поставленные уличным «командованием» задачи. Например, дождавшись вечера, частенько делали набеги на китайские огороды, где ели, торопясь, горстями спелый мак, набивая им еще и карманы. Это уже потом мы узнали, что китайцы выращивали его для изготовления опиума.

Надо сказать, китайцев в селе было много, их перевезли в Мазановский район из Казахстана, где они работали на добыче соли. Жили переселенцы обособлено. Те, кто победнее – в простых фанзах с соломенными крышами, а побогаче – в русских избах на Киевской и Луговой – окраинных улицах села. Занимались они, в основном, огородничеством, торговлей на базаре, портняжничали да готовили на продажу соседям свою нехитрую, но очень вкусную пищу.

Мы, несмышлениши, часто их дразнили, не понимая, что живется многим из них очень несладко, и что хлебнули они немало горюшка и бед на солеразработках.

– Тая-Тая, соли надо? – кричали мы им вослед и пальцами разводили свои веки в разные стороны, делая узкими глаза. Китайцы в ответ на эти дразнилки непонятно ругались на своем языке и гонялись за нами с палками. Но мы оказывались проворнее.

И вот нашему командиру Валерке пришла в голову очередная гениальная идея. Он пояснил, что экипаж будет строго ограниченным, поскольку корабль не сможет принять на борт большую команду, и тут же произвел набор моряков – всего семь человек. Среди счастливых оказался и я – мне сразу была определена роль рулевого, потому что я мог рулить на машине отца.

Не раз бывало, отец, уезжая после обеда на работу, брал меня с собой в кабину грузовика, сажал на колени, включал первую скорость, а я, вытянув ручной газ, поскольку ногой еще не доставал до педали, по команде отца вел машину до ближайшего перекрестка. Потом отец меня высаживал, и я бежал домой, ощущая на себе завистливые взгляды своих сверстников. Так что, место рулевого было вполне заслуженным.

Определившись с корабельной командой, Валерка поставил задачу, подготовить продуктов на месяц и смену одежды.

Так и завладела моими мыслями тайна: морской поход – дело серьезное!

Море я тогда видел только на картинках, масштабов не представлял, но понимал, что предстоит какое-то очень серьезное испытание. Этим мыслям способствовал и тот таинственный полушёпот, которым с нами разговаривал на тайном Совете Валерка.

Собрать на месяц запас продуктов – та еще задача. Как же можно было незаметно от семьи такое количество еды! В общем, поневоле вид станет таинственным и загадочным.

И вот, в один из июльских дней, когда все было готово, мы рано, как только родители ушли на работу, собрались с отцовскими вещмешками у дома Валерки и двинулись к протоке. Она соединяла две самые полноводные судоходные реки – Селемджу и Зею.

Зейская протока была знаменита еще и тем, что на ее берегу первыми столыпинскими переселенцами из Киевской губернии в 1905 году основано село Новокиевка.

Летом протока часто пересыхала и можно было вброд перейти по отмели на другой берег. Рядом с селом расположилась лодочная пристань. Иногда сюда по большой воде заходили буксиры с баржами и пассажирские пароходы.

План у Валерки был таков: тайно взять какой-нибудь пароход или катер, выйти по Зее в Амур, а уже по Амуру добраться до Тихого океана.

Дальше этого планы нашего предводителя не шли, но мы уже представляли огромные волны – до самого неба! И паруса, туго надутые ветром.

Ни пароходов, ни катеров на причале не оказалось, что внесло некие сомнения в правильность наших планов. Валерка даже несколько раз оглянулся, мол, куда это они могли запропасться.

Виду особо не показывал, что картина, нарисованная им, немного не соответствует действительности. С лодками тоже ничего не получалось: их удерживали крепкие цепи с увесистыми замками. А в нашу сторону сурово и с подозрительностью поглядывали рыбачившие невдалеке новокиевские мужики.

Чтобы не уронить свой авторитет в глазах команды, капитан Валерка повёл нас к той пристани, что была напротив села Сохатино. Он заверил нас, что там-то уж точно стоит на причале небольшой катер – он сам его видел. Мы, слегка засомневавшись, двинулись за ним.

Идти, если по берегу, было километра четыре. И солнце уже вовсю распалилось. Где-то в глубине души было жалко оставленных на произвол судьбы маму с папой – как они будут без меня? Весь отряд немного приуныл, но капитан марку держал, подбадривал, вселял надежду, и мы опять потихоньку возомнили себя отважными мореплавателями, и даже представляли, как через несколько лет, одолев все морские преграды, претерпев массу приключений, победив всех врагов вразвалочку ступим на родной берег и обнимем плачущих от радости родителей.

Идти под совсем уже раскалённым солнцем было всё труднее, но нами двигала идея мореплавания, и мы стойко преодолевали все трудности этого похода. Катер на берегу действительно стоял. Но он был настолько развалившимся, что одного взгляда на него хватило, чтобы понять: наше морское путешествие закончилось.

Но и здесь наш капитан проявил свою волю и смекалку. Не дав нам возможности горевать и проявлять слабость характеров, а среди нас слабаков и не было, он организовал лов ротанов из озера, что раскинулось рядом, и пока команда ловцов дёргала прожорливую, как настоящие акулы, рыбу, мы развели костёр, вскипятили воду, в которую и побросали выловленную добычу. Уху сварили за несколько минут!

Наш опытный капитан умудрился припасти не только соли, но и даже несколько листиков лаврового листа, что сделало похлёбку невероятно ароматной и аппетитной! И пока кок (Валерка пояснил, что вместо поваров на море есть только коки, что вызвало смех) помешивал толстой веткой варево, мы все исходили слюной: есть хотелось неимоверно!

Уху слопали в считанные секунды! Обжигаясь, глотали эту вкуснотищу! А дальше навалились и на припасенные продукты – картошку с тушенкой, зеленый лук, варенные гусиные и куриные яйца, сало, хлеб и сухари и многого чего другого. Короче, обед был знатным!

Подкрепившись, все заметно повеселели. Тут же устроили игру в настоящий морской бой. Мне пришлось стоять за настоящим, (пусть и ржавым!) штурвалом и спасать наш боевой корабль и экипаж, подчиняясь командам капитана Валерки: «Право на борт! Лево на борт», уклоняясь тем самым от снарядов вражеской эскадры.

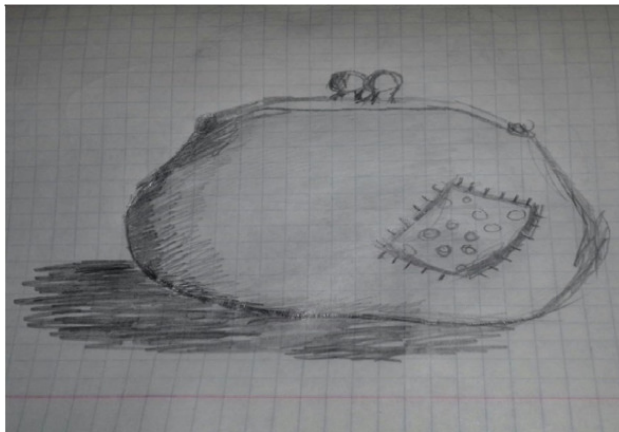
Куда-то отодвинулись невесёлые мысли о том, что ждёт дома – многие из нас оставили родителям записки, что мы уходим в большое морское путешествие, чтобы нас попусту не искали, что вернемся нескоро. Мы, конечно, понимали, что трёпки – и, пожалуй, очень серьёзной – не миновать... Но ведь это – потом!

Это – потом!

А пока наш капитан скомандовал: «Стоп, машина! Возвращаемся в нашу гавань!», и, собрав свой нехитрый скарб, мы побрели домой вдоль берега реки.

Солнце уже садилось, от воды спокойно веяло прохладой, мы только что одержали победу над вражеской эскадрой, и никого из нас даже не ранило, мы были еще совсем мальцами, и впереди была огромная, счастливая жизнь...

Сказ о чужом кошельке

На ежевечернем уличном Совете мои сверстники объявили мне бойкот. Они много и долго говорили о тех возможностях, которые были упущены из-за моей недалёковидности. Да что там недалёковидности – предательства по отношению к своим друзьям! По их мнению, я поступил совершенно необдуманно, наплевал на дружбу, как они меня посчитали, вообще оказался внутренним врагом!

Конечно, стоял вопрос о том, что бойкот надо объявить навсегда, но кое-кто высказывался в том смысле, что вообще-то Серега – парень свой, и на велосипеде даёт покататься, и не «мамстик» какой, и вообще ему можно довериться, вот только в этот раз поступил не по товарищески... И после споров было решено ограничить бойкот одним месяцем. Хотели поколотить, но с одной стороны знали, что спуску я не дам, а с другой – к концу сбора как-то и подостыли.

Приунывший от незаслуженной обиды, я возвращался домой, а в голове всё прокручивались события сегодняшнего дня.

Началось с того, что я увидел на земле кошелек. После истории с укусившей меня пчелой и шишкой на лбу отец освободил меня от обязанности возить воду, зато мама поставила задачу ездить на отцовском велосипеде в магазин за хлебом и продуктами тогда, когда это потребуется. И вот подъехал я к продовольственному магазину, приставил велик к забору, наклонился, чтобы снять прищепку со штанины, глядь, а прямо передо мной на земле – кошелек! Самый обычный, невзрачный, из потертой черной кожи с выпуклыми боками, далеко не первой молодости. Конечно, меня заинтересовало содержимое кошелька, и я поднял его.

Правда, вначале убедился, что к нему не привязана нитка или веревочка, – бывало, мы с друзьями подшучивали таким образом: бросали кошелек с нарезанной бумагой на дорогу, а когда кто-нибудь из прохожих пытался на радостях украдкой поднять, мы, спрятавшись за какое-нибудь укрытие, дергали за нитку, и кошелек «убегал» от протянутых рук! Пристыженный неудачник, чертыхаясь, уходил, а сзади до него еще долго доносился наш торжествующий смех.

Открыв кошелек, я увидел сверху несколько скомканных рублевых купюр и, судя по тяжести понял, что в нем были монеты. К этому времени я был пионером, и, как требовали законы юного ленинца, должен был быть честным, о чем, кстати сказать, мне всегда говорили мать и отец, наставляя никогда не брать чужого.

Взяв кошелек, я вошел в магазин и спросил, чья это потеря. Все покупатели, а их было десятка два – они стояли в очереди за только что привезенным из пекарни хлебом, –

стали лихорадочно ощупывать свои карманы и сумки, проверяя, не их ли кошелек потерялся. Но среди покупателей растерях не обнаружилось.

Тогда я подошел к продавщице тете Клаве, положил находку на прилавок и попросил ее отдать тому, кто обратится за пропажей. Толпа расступилась: за мой Поступок мне позволили купить продукты и хлеб без очереди.

Все стали спрашивать у продавщицы, сколько в кошельке денег, и тётя Клава, заглянув, внесла ясность: много, на бутылку хватит.

Купив продукты, гордый совершенным Поступком, я покатил домой. Происшедшим поделился с родителями, и они похвалили меня, сказав, мы хоть и не богаты, но от чужого добра богатым не будешь. Конечно, я загордился еще больше.

К вечеру отправился к нашему месту уличного сбора, и когда все парни собрались, торжественно рассказал, что нашел кошелек с деньгами и отдал его тёте Клаве, как сейчас помню, фамилия ее по мужу была какая-то интересная – Ефхуто.

Парни тут же стали выпытывать, много ли было денег, на что я ответил точно так же, как и тетя Клава, мол, много, на бутылку хватит. Вот тут-то ребята и стали возмущаться, ругали, что не принес кошелек на Совет улицы, именно на Совете нужно было решать, каким образом поступить с находкой.

Предложений, надо отметить, было не очень много, но все имели интерес для нашей компании: например, можно было купить общественный велосипед (слова «общественный» тогда у нас в ходу не было, говорили просто «общий»), а если не велосипед, то спокойно хватило бы на пачку папирос... Да мало ли на что полезное хотелось бы истратить чуть ли не с неба свалившиеся деньги. А тут Серёга взял, да и предал интересы улицы. Я начал отстаивать свою правоту, доказывал, что поступил правильно, по совести, по-пионерски. Тут-то мне и объявили бойкот.

Домой вернулся расстроенный. Действительно не понимал своих друзей, готовых поступить несправедливо. Все мы в то время жили бедно, а найденные деньги могли оказаться у кого-то последними.

Утром по дороге в школу меня остановил Иван Киселёв – он проезжал мимо на своем «Ижаке» и специально притормозил возле меня. Жил он неподалёку на нашей улице, работал радистом в аэропорту. Даже не поздоровавшись, Иван попер буром: «Ты, что, Серега, кошелек с тысячей нашел, и не поделился! Да еще и Клавке отдал, а она небось себе оттопырит! Дурачок ты – дурачок, можно было тебе с бабушкой и братьями такой же, как у меня, мотоцикл купить, а может даже и машину!»

Мотоцикл у Ивана был новенький, сверкал никелем; зеленоватая, как на военных машинах, краска так и играла на солнце. Глушитель был тоже никелированный и немного приподнят кверху. Что и говорить, загляденье! На миг я даже представил себя сидящим за рулем подобного мотоцикла! И аж дух захватило!

Пояснил Ивану уже привычными словами, что денег в кошельке – по словам продавца – было на бутылку.

– Заливает она! – как-то зло произнес Иван и добавил, что разберется с нею.

После чего довез меня до школы и разрешил немного покрутить ручку газа. А потом, сказав, что заставит Клавку выплатить проценты за находку, развернулся и уехал. В школе и в классе меня все расспрашивали про кошелек, про то, сколько в нем было денег, на что я всем отвечал, что денег было много. А про бутылку уже не добавлял. Одноклассники-мальчишки смотрели немного с завистью – все-таки, разговоры велись вокруг меня, а девочки украдкой стреляли глазками, как на героя. Я эти взгляды чувствовал. И, конечно, действительно ощущал себя героем.

Вечером, вернувшись из школы, переступив порог дома, увидел тетю Клаву с мужем. Видимо, у них с моими родителями был какой-то тяжелый, серьезный разговор. Судя по всему,

пар они выпустили, и теперь, возбужденные, сидели молча на кухне. Мать подносила к столу разносолы, а отец откупоривал бутылку «Московской». Вероятно, взаимопонимание было достигнуто.

Увидев, как я вошёл, тётя Клава сразу засыпала меня вопросами, мол, что это я наплёл с три короба, будто в кошельке была большая сумма денег?! Я немного растерялся от такого напора, но и не смутился, потому что скрывать было абсолютно нечего: пояснил, что всем отвечал словами самой тёти Клавы: «Денег много, на бутылку хватит».

– Тогда почему же Иван Киселев приехал в магазин и при всем честном народе требовал проценты за находку тысячи рублей?! – возмущалась тетя Клава. Оказалось, как она пояснила, Иван опозорил ее при всех, утверждая, что она присвоила крупную сумму денег и даже сообщил руководству Райпо о свершившемся преступлении.

И в это время в дом, постучавшись, вошел сам Иван. Вид у него, признаться, был весьма взъерошенный, сам он казался очень взволнованным и смущенным. До него все-таки дошло, что разговоры о том, что «денег много» имели шуточную подоплёку. Прямо с порога он начал извиняться перед Евхутами и моими родителями.

– Ну ты, Серега, и подвел меня со своим кошельком, я ведь и вправду подумал, что денег много, раз кошелек был толстым. – Бубнил он, прижимая руку к сердцу и боясь поднять глаза на тётю Клаву и ее мужа, недобро смотревшего на Ивана.

Оказывается, в кошельке всего-то было три рубля и платочек с завернутыми в него шестьдесятю двумя копейками. Столько и вправду стоила бутылка водки. Продавщица нисколько не лукавила, говоря, что денег много, на бутылку хватит.

На следующий день в магазин пришла работница с кирпичного завода по фамилии Юрьева. Она описала кошелек с точностью до щербинки и правильно назвала сумму денег, в нем лежащую. Кошелек ей отдали, и она рассказала, что послала мужа за водкой по случаю получения зарплаты, – такой вот был праздник в семье. И дала ему денег ровно столько, сколько стоила самая дешевая поллитровка. Но муж вернулся домой пьянющий до бесчувствия и без покупки. За что она, подумав, что он единолично пропил эти деньги, крепко его побила. Утром, проснувшись с «фингалом» под глазом, тот рассказал, что потерял кошелек, и с горя напился, встретив на обратной дороге своих друзей. Те, в знак сочувствия, угостили его горькой.

Вот такая совершенно банальная, простая, житейская история.

Бойкот с меня через месяц сняли, и я вновь влился в уличную стайку ребят, опять стал полноправным членом команды. Но те санкции (выражаясь сегодняшним языком), что были применены в отношении меня, не смогли изменить моего мнения, что брать чужое – нельзя, и что человек, совершивший нечестный поступок, достоин осуждения со стороны товарищей.

С этим убеждением я и входил постепенно во взрослую жизнь...

Тверже шаг, ребята!

Конец 60-х – тревожное время: в разговорах взрослых только и было, что о «наших отношениях с китайцами». Все полушёпотом, полунамёками говорили о том, что «а вдруг, как хлынут! Не остановишь!». Те, кто бывал в областном центре, рассказывали совсем страшные вещи: и о том, что на сопредельной стороне, как раз напротив Благовещенска, стоят огромные портреты Мао Цзэдуна, и что в маленькой деревеньке Хэйхэ день и ночь дымят заводские трубы, а их там – собьешься со счёту! Значит, готовятся к войне, огромные запасы делают.

Родители мои, когда я ложился спать, все время считали своим долгом напомнить, чтобы одежду укладывал прилежно, всё по порядку, чтобы при случае, мог быстро-быстро одеться. Я и без того был аккуратистом, ничего не разбрасывал, но родители все равно каждый вечер повторяли свои наказания, и в этом тоже проявлялась тревожность времени.

Школьные политинформации были посвящены, в основном, рассказам о претензиях китайского руководства на наши земли, нам рассказывали о различных мелких провокациях на границе, а еще мы узнали о том, что на китайских картах вся наша территория до Уральских гор, считается принадлежностью КНР.

На уроках НВП (начальная военная подготовка) нас серьезно обучали обращению с оружием и противогазом, учили метать гранаты, ходить строем. Приходившие к нам сотрудники военкомата рассказывали, что международная обстановка очень напряженная, Китай ведёт себя недружественно по отношению к Советскому Союзу, что нужно добросовестно готовить себя к защите Родины.

Тягучая, тревожная неопределенность прорвалась в марте 1969 года: китайские воинские подразделения вторглись на территорию острова Даманский с целью его захвата. Пролилась первая кровь. Самые первые сообщения, несколько противоречивые, не проливали полностью свет на то, что происходило. Но уже назвали имена первых ребят-пограничников, павших в тех

боях, мы слышали имя сержанта Юрия Бабанского, получившего потом звание Героя Советского Союза, умело сдерживавшего натиск противника до подхода своих товарищей.

Во всех домах радио постоянно было включено на полную громкость – все ждали очередное сообщение ТАСС и правительства. Телевизор тогда был еще не в каждой семье.

Буквально через день-другой после начала боевых действий нас, допризывников из 8—10 классов, по установленной схеме оповещения военный комиссар района майор Михаил Михайлович Башкирцев повестками обязал явиться на сборный пункт – в спортивный зал Увальской средней школы, которая находилась в квартале от военкомата.

В зале встречали военрук школы Юрий Иванович Морщаков и сержант военкомата Иван Киселев, бывший радист аэропорта, к тому времени перешедший на сверхсрочную службу. Нас всех построили по росту и разбили по отделениям, – получился целый взвод. К этому времени в зал вошли директор школы А. Г. Артеменко и военком.

Лица взрослых были напряжены, я бы даже сказал, хмуры. Да и мы, ребята, не обменивались обычными шутками, не толкались и были совершенно серьезны: чувствовали ответственность момента.

Военком произнес речь, отметив, что китайская военщина нарушила границу, что кровопролитный бой не прекращается, что сейчас всё внимание руководства страны приковано к месту боев, и что туда подтягивают серьезные силы армии, то есть, военный конфликт может затянуться и наша задача – оказать помощь стране.

– В боевых действиях, – отметил военком, – вам сразу участвовать не придется, для этого нужна более серьезная выучка, но до поры до времени будете нести службу в тылу.

– Сынки! – сказал он в заключение, – не подведите своих отцов, честно служите Родине и защищайте ее от врагов – это почетная ваша обязанность. Сейчас вы повторите строевые команды с военруком и прапорщиком, а потом – в военкомат за получением оружия с последующей отправкой на сборный пункт в город Белогорск, где пройдете медкомиссию, а потом вас распределят туда, где вы будете нужны.

Киселев после этих напутственных слов, скомандовал:

– По отделениям в военкомат бегом – марш! – И наше мирное детство вдруг закончилось.

Началась суровая воинская пора. В военкомате нам на каждое отделение выдали противогазы и по зеленому ящику с карабинами СКС. Приказали всё перенести в спортзал.

Мы, гордые, что нам доверили боевое оружие, несмотря на его тяжесть, бегом перенесли ящики к месту нашей дислокации.

Ящики были опломбированы. При их вскрытии мы увидели сложенные в два ряда, по пять штук в каждом, густо смазанные солидолом новенькие карабины. Поступила команда за десять минут произвести их чистку и предоставить к осмотру. Не у всех получалось, но сержант и военрук подходили к тем, у кого особой сноровки не было, и помогали. Мы работали с подъемом – быстро, четко, и, несмотря на неопределенность будущего, испытывали некий восторг, который запросто можно было назвать щенячьим. Все-таки переход из детства во взрослость, толком еще не закончился, и отношение к настоящему оружию было по-детски восторженным. Страх, во всяком случае, у меня, да, думаю, и других, не было.

После осмотра оружия, нам раздали карабины под роспись о получении в соответствии с заводским номером.

Затем поступила команда всему взводу по отделениям построиться у входа в школу. Когда построение закончилось, первому отделению директор школы вручил красный флаг, и мы, по команде Киселева, стараясь не сбиться, стройной коробкой двинулись к военкомату. С флагом, чеканя шаг, прошли мимо зевак у стадиона и стали подходить к военкомату, и в это время Киселев скомандовал:

– Запевай!

Мы, не сговариваясь, грянули:

– Тверже шаг, ребята, по земле Советской мы идем! – Этот марш десантников был очень популярен после выхода фильма «Прыжок на заре», его знал каждый мальчишка, да и на уроках НВП, когда мы отрабатывали приемы строевой подготовки, частенько пели этот марш всем отделением.

У ближайших домов на лавочках сидели старушки, и когда мы с песней проходили мимо, они запричитали:

– Ох, родненькие, вы ж еще мальцы! Какая ж вам война!

Но ни у кого из моих однокашников не дрогнули губы: мы уже считали себя полноправными защитниками Родины. Все-таки, патриотическое воспитание и со стороны школы, и со стороны родителей, было тогда на очень высоком уровне!

У военкомата стояли две военные машины ГАЗ-51, крытые брезентом; на «гражданке» подобные тогда называли «грузовые такси». И действительно: машины использовались для перевозки грузов, но при необходимости за считанные секунды в кузове устанавливались деревянные скамейки, на которых можно было уместить большое количество людей. У военкомата, когда мы остановились, нам выдали фляжки и котелки, а также суточные сухие пайки.

Сержант зычно скомандовал:

– По машинам!

Мы дружно, по отделениям, ринулись на погрузку. Быстро расселись. Молчали. Каждый переживал в душе, что нам не позволили проститься с родными, что не успели сказать на прощание каких-то добрых слов. Хотя, конечно, и понимали, что во время войны – не до сантиментов, что, если поступил приказ, и обстановка весьма серьезная – нужно очень быстро принимать решение. Опять же, война – не шуточки, а значит, на первое место выходит секретность. Разве можно было всем рассказывать о том, что нас отправляют в зону боевых действий!

Понятно, что у некоторых из моих однокашников были уже симпатии, и эти ребята представляли себе, как их, героев, встретят потом нравящиеся им девочки.

И я тоже представлял себе такую картину. Она во многом была навеяна рассказами родителей о том, как они встретились на паромной переправе. Так и я видел себя с солдатским вещмешком за спиной, в запыленных сапогах, в уже выцветшей гимнастерке, на которой позвякивали ордена и медали, и я уже видел, как мне навстречу бросилась...

Но в это время на крыльцо военкомата вышел майор Башкирцев и с радостью на лице и торжественностью в голосе громко, с надрывом объявил:

– Всё, отбой орлята, война закончилась!

При этом он пояснил, что китайцев выдавили с острова, отогнав на 40 км от границы, они понесли большие потери. Но и среди наших есть тоже и убитые, и раненые, правда, намного меньше, что мы должны помнить этих солдат и офицеров. Потом военком скомандовал сдать оружие и всю остальную нехитрую выданную нам солдатскую амуницию, оставив солдатские пайки.

После этого мы вновь смазали карабины солидолом, сложили в ящики и отнесли в военкомат, где их опечатали и заперли в оружейной комнате.

– Дембель, хлопцы, вы молодцы, не подвели школу, родителей, – приговаривал военком, принимая у нас оружие.

– Никто из вас ни дрогнул, ни заскулил. Вы настоящие защитники и честно исполнили свой долг!

По домам мы расходились уже совсем не теми мальчишками-пацанами, которыми проснулись утром, а повзрослевшими, за несколько часов возмужавшими парнями, прикоснувшись, пусть только совсем чуть-чуть, но уже к настоящей суровой взрослой жизни, подразумевающей ответственность и за своих близких, и за всю нашу страну.

На следующий день в школе к нам как-то по-особому относились учителя, а наши одноклассницы поглядывали на нас с восторгом: защитники...

Скелет из кабинета биологии

Деревья и кустарники в Клубном саду были так густы, что даже днем там было сумрачно, поэтому, когда я вдруг увидел самый настоящий, казалось бы, идущий навстречу скелет, издающий бледное свечение, то ощутил на спине мурашки. На самом деле, скелет, понятно, никуда не шёл – разве может двигаться скелет, крепко привязанный к дереву телефонным проводом?

Отдышавшись и осмотревшись, я понял, что близок к разгадке, и мысленно прибрёл план дальнейших действий.

Это было первое раскрытое лично мною преступление.

Трудно поверить, но я тогда даже еще и не был профессиональным сотрудником правоохранительных органов, меня только-только определили техником по сигнализации в отделе милиции.

Дело в том, что ранее я работал заворгом райкома комсомола, и был, скажу, не хвастаясь, на хорошем счету у своих руководителей. И всё-таки, мне очень хотелось работать в прокуратуре или в милиции: и книг я много на эту тему читал, и знакомых было много из этих ведомств, и, тут тоже не буду лукавить, все равно в глубине души не чувствовал себя комсомольским и партийным работником. Мою голову чаще всего занимали мысли об увлекательной, полной опасностей и приключений, работе следователем или опера, особой разницы тогда я не видел. Просто ощущал себя человеком, борющимся с преступностью и бандитизмом. Именно так – вполне искренне и без компромиссов!

С большим трудом оставив комсомольскую должность, процедура не самая простая, поскольку в ней хватало бюрократических препон, в ожидании назначения на должность следователя, прозябал в милиции, занимаясь сигнальными системами, завидуя тем, кто занимался настоящим делом.

Наступила осенняя дождливая пора. В ту пору в селе не было ни одной заасфальтированной улицы, а тротуары, по большей части, представляли собою труднопроходимые тропинки.

После очередного дождя можно легко определить – кто, когда, в какой обуви и в каком направлении перемещался по селу. Так было и в тот день, о котором пойдет речь.

В дежурной части отдела милиции раздался звонок. Звонил сторож Увальской средней школы Василий Кван – человек глубокого пенсионного возраста, продолжавший работать во вневедомственной охране. Он сообщил, что на него, угрожая ножом, напал неизвестный ему молодой человек, связал его, забрал ключи и поднялся на второй этаж. Что он там делал, пострадавший не знал, не видел, но когда тот уходил, то обрезал провод телефона, забрал телефонный аппарат, уложил все в целлофановый пакет и, угрожая расправой, ушел.

Поскольку за мной на службе был закреплен новенький мотоцикл «Урал» с милицейской сине-желтой окраской, с сиреной и мигалкой, мы вместе с начальником отдела вневедомственной охраны и оперуполномоченным уголовного розыска на этом мотоцикле приехали на место происшествия.

Это была моя родная средняя школа, которую я закончил шесть лет назад. Тревожная группа и следователь милиции были уже на месте; вызваны директор школы и учитель биологии, чей кабинет был вскрыт.

Сторож давал показания. Он пояснил, что напавший был коротко стрижен и обут в резиновые сапоги с высокими голенищами.

Происшествие для отдела охраны было чрезвычайным: ответственность за объект лежала именно на нём, а потому преступника надлежало найти любой ценой, иначе, возмещение школе ущерба – за отделом охраны. И, что более существенное – осознание недочета в работе, «плохая» статистика, недовольство руководства, сами понимаете.

Учитель биологии Валентина Васильевна Кобзарь, оглядев помещение, сказала, что из кабинета биологии похищен скелет человека, а из кабинета химии – фосфорные карандаши.

Пока следователь проводил осмотр, а оперативники показывали сторожу альбом с фотографиями лиц совершавших преступления, либо склонным к их совершению, я вышел из школы. Мне это преступление показалось каким-то алогичным и, несмотря на то, что оно относилось к категории тяжких, даже немного смешным. Двор школы граничил с Клубным садом. В воскресный день занятий не было, после прошедшего дождя земля была словно пограничная следовая полоса.

Осмотрев крыльцо школы, увидел следы от резиновых сапог и рядом прерывающие полоски – маленькие бороздки. Смекнул, что если здесь прошел преступник, то он явно нёс какой-то предмет, который касался земли и делал бороздки. Не тот ли самый скелет? Впрочем, это пока были только предположения. Следы, которые я боялся затоптать, а потому шёл рядом, уверено вели к переходу в Клубный сад.

Сад этот, по сути, парк – это обустроенная березовая роща, любимое место отдыха местных жителей и гостей.

И вот, передвигаясь вдоль свежих следов, внимательно в них вглядываясь, я, чтобы сориентироваться у перехода в молодом березняке, поднял от земли глаза и тут-то меня и прошиб пот: я увидел прямо перед собой человеческий череп! К молоденькой березке был куском телефонного провода привязан скелет человека. Его глазницы отсвечивали зеленоватым цветом. Как потом оказалось, их натерли фосфорным карандашом.

Если б на моём месте оказался какой-нибудь праздношатающийся, какая-нибудь старушка, да просто человек со слабыми нервами – быть беде: «кондрат» бы точно хватил. Хорошо, что я уже был морально подготовлен к этой встрече всей чередой событий. Но сердце всё равно – ёкнуло...

В это время стал накрапывать дождь, и, боясь, что он разойдется и смоем следы, я продолжил быстро идти по следу, который вел к переходу на Новокиевку – небольшое село, по сути, спутник райцентра. Чтобы попасть в это село, достаточно было только перейти через мостик.

Так след и привёл меня к одному из окраинных домов Новокиевки.

Бегом я вернулся к мотоциклу, и, не сказав никому ни слова, подъехал к этому дому. Оставил транспорт чуть в сторонке, чтобы не вызывать подозрений, вдруг злоумышленник следит из окна? Незаметно, будто прогуливаясь, я начал осматривать территорию у дома, и заметил, что из поленницы дров, сложенных вдоль забора, торчит кусок целлофана. Подойдя поближе и развернув плёнку, обнаружил телефон с куском провода и фосфорный карандаш. Пакет я положил обратно на место, и только это сделал, как из дома вышла хозяйка, ворчливая старушка, и начала ругаться по поводу того, что незнакомец крутится возле её имущества. Пригрозила, что вызовет милицию.

– А как вызовете? – с улыбкой поинтересовался я, – телефон у вас есть?

– Есть, да не про вашу честь! – продолжала выказывать недовольство старушка.

– А если серьезно? – я убрал с лица улыбку.

Почувствовав, что вопрос несправедливый, и видя, что на уличного хулигана я совсем не похож, бабулька посетовала, что телефон-то, хоть и имеется, да неисправный.

– Но скоро будет нормальный – постоялец обещал мне новый поставить, – пояснила хозяйка.

Тут, чтобы развеять сомнения хозяйки дома, я представился, сказал, что сам из милиции, так что пока можно обойтись без телефона. Ну, и попутно поинтересовался, где ж её жилец. Выяснилось, что он ушел на работу в райпо и придет в пять часов. А на вопрос, что она знает о постояльце, старушка махнула рукой и сказала, что он не то из армии, не то из тюрьмы, и что ей никакой разницы нет, лишь бы исправно платил за постой и не хулиганил. Поблагодарив хозяйку, я рванул на полном ходу к школе. Приехал как раз к обсуждению преступления: сотрудники говорили о том, что найти преступника вряд ли удастся, а начальник прямо так и сказал, что, наверное, будет «висяк», а значит, отдел не получит премиальных.

Отозвав его в сторонку, потихоньку сказал ему, что не надо сильно переживать: преступление раскрыто, преступник известен и украденные вещи – скелет и телефон – обнаружены.

Александр Евгеньевич, так звали начальника отдела, не поверил. Оно и понятно: какой-то шпанец, даже не стажер, а простой техник, вдруг утирает нос ему – многоопытному милиционеру! Но все же смирил свою гордыню, сел со мной на мотоцикл, и я показал ему, где находятся пропавшие вещи.

Начальник отдела тут же резюмировал:

– Надо брать! Сейчас же вызовем опергруппу – и возьмём!

Кое-как отговорил его от этого скоропалительного решения, посоветовав задержать злоумышленника прямо у дома по возвращению с работы. Было же логичным взять его с поличным, когда он будет вытаскивать телефон из поленницы.

Так мы и поступили. Подъехали к пяти часам к противоположному дому и стали ждать. Минут через пятнадцать появился молодой человек в рабочей одежде, похожий по приметам на того, кого мы ждали.

Увидев милицейский мотоцикл, он сразу понял, по чью душу приехали милиционеры. Подошел к нам и с обидой в голосе сказал, мол, надо же, как быстро его вычислили.

– Сдаюсь! – завершил он свой краткий монолог.

Потом он показал, где лежит телефон, будто мы без него этого не знали, и где привязан скелет, словно меня несколько часов назад там не прошиб пот.

Справедливости ради отмечу, что отдел охраны хоть и вышел сухим из воды, не понес ущерба, но премиальных за квартал всё-таки лишился.

Меня же за находчивость и умелое раскрытие преступления наградили денежной премией в размере сорока рублей.

Вор объяснил, что он украл скелет, чтобы поугаить молодежь, которая будет вечером идти на танцы через переход. Согласитесь, у него было потрясающее чувство юмора. А установкой телефона он планировал рассчитаться с хозяйкой за проживание.

Надо сказать, что дальнейшая судьба этого парня оказалась совсем не завидной. После очередной отсидки, он вернулся в село. Казалось бы, устраивайся на работу, заводь семью, живи честно... Но через некоторое время после освобождения, он был застрелен сторожем вневедомственной охраны во время совершения очередной кражи.

Напутствие орлана

Село с красивым названием Новокиевский Увал, где я родился и вырос, окончил школу, начал свою трудовую деятельность, а в дальнейшем и службу в прокуратуре – это районный центр с населением около пяти тысяч человек. Своей крайней улицей Киевской оно упиралось в молодую березовую рощицу рядом с глубоким оврагом, тянувшимся от реки Топтушки до реки со странным названием Кишка. Старожилы поясняли, что название это прижилось из-за того, что она петляла как... В общем, из названия понятно, как эта речка петляла. При этом те же старожилы затруднялись объяснить название Топтушки.

Река, да какая там река, – речушка – впадала в Новокиевскую протоку, а последняя, соединяя строгую и коварную Селемджу, впадала в Зею. И вот эта речка в дождливую погоду становилась полноводной, и в ней, в так называемых увальских ямах, купалась местная ребятня. Ну, а овраг практически наполнялся до краев прозрачной, как хрусталь водой, которая стремительно неслась в сторону Кишки.

Овраг отделял село от местного аэропорта, за которым начинались лесные околки, а уж за ними простиралась тайга.

Километрах в трёх от села, перед Становиком, прятались два небольших труднодоступных озера, куда прилетали утки да гуси и где по сезону за ними охотились местные мужики.

В селе располагался госпромхоз, считавшийся одним из лучших в области, в чем не было ничего удивительного: мазановские леса способны были прокормить население любой небольшой европейской страны: зверя, птицы, дикоросов здесь было великое множество, а контроль за добычей со стороны государства осуществлялся строжайший. Да и, выскажу своё мнение, не было так доступно, как сейчас, всевозможное оружие, – хорошими винтовками даже не все профессионалы-охотники обладали!

Кстати, большинство этих штатных охотников являлись передовиками в своём деле, многие носили почетное звание «Ударник коммунистического труда» и были награждены орденами и медалями за добычу соболя, лосей и косули, отстрел докучавших населению волков.

Понятно, что существовало у нас и районное общество охотников и рыболовов, в котором я и получил свой первый охотничий билет, вступив в него в 1975 году. Как говорится, жить в тайге да не быть охотником...

Ну, а до этого впервые вышел на охоту, когда было мне всего лишь девять лет, и я учился в третьем классе. Этот потешный эпизод в моей жизни, пожалуй, запомнился навсегда.

Однажды, ближе к осени, незадолго до начала школьных занятий, когда как обычно управлялся по домашнему хозяйству и мне надо было покормить кур, в кладовой, где нужно было набрать хранившееся там зерно, увидел оставленное старшим братом новенькое ружьё 20 калибра. Это сейчас сейфы да решетки, да постоянные полицейские проверки, а тогда и замков-то не вешали, бывало, палкой подпирали дверь, чтоб собаки не зашли, да и всё.

Решение созрело мгновенно: пока никого нет дома, попробую-ка сходить на охоту!

Сборы были недолги, в солдатский вещмешок положил кой-какой еды, гусиные и утиные манки, болотники, несколько патронов и разобранный ружьё; затянул рюкзачок крепко на петлю и через забор в конце огорода, за которым начиналась молодая березовая рощица, выдвинулся на исходную позицию к упомянутым выше озерам.

Обул болотники, и уже по воде добрался до небольшой возвышенности рядом с камышами. Разобрал-то я ружьё дома быстро, а вот собрать его оказалось гораздо сложнее. В конце концов, хоть и с трудом, мне это удалось, я зарядил оружие на гуся патроном с буквой «К» на пыже, что означало «картечь».

Затаившись в камышах, стал ждать прилета гусей или уток. Но, увы, никто не прилетал. Так, в засаде, просидел довольно много времени (часов-то у меня не было), и вдруг услышал

шум с посвистом – это два крякаша как истребители пронеслись надо мной. От обиды, что прозевал их на подлете, не целясь, пальнул из ружья им вдогонку.

Не прижатый плотно к плечу приклад при отдаче так саданул в плечо, что от боли мне было уже не до уток. Но все же успел заметить, что одна птица, как машина на дороге, резко затормозила в воздухе и камнем рухнула вниз. Метрах в десяти от меня по воде раздался шлепок, словно в озеро кто-то кинул большой камень.

– Вот это да, – подумал я, – неужели сбил крякаша?!

К этому времени к озеру подошли порывачить соседские ребята постарше меня. Они-то и помогли найти и достать первый в моей жизни трофей. Им оказалась кряковая утка селезень.

Я был несказанно рад, а пацаны говорили мне с завистью:

– Ну, Серега ты и даёшь! – И всё норовили подержаться за ружьё.

Впрочем, похвалив, тут же и испортили мне настроение, сказав, что меня обыскались отец и брат, и что, скорее всего, дома меня ожидает хорошая взбучка.

После таких слов моя охотничья удача стала мне не в радость, и, собрав амуницию и трофей, двинулся к своему дому, в предчувствии строгого родительского вопроса.

Но мои опасения оказалось напрасным: как только я перебросил через забор огорода вначале болотники и следом рюкзак, а сам стал осторожно с ружьем перелезать через забор, меня подхватили крепкие руки отца и поставили на землю. Рядом с отцом стоял старший брат, и оба они – улыбались!

Оказалось, что они заметили, как я по-шпионски, стараясь не шебуршать кустами, приблизился к забору. Со стороны это выглядело смешно.

Поняв, что гроза миновала, я начал восторженно рассказывать о том, как караулил птицу, но был остановлен строгим голосом отца. Как бы ни было ему смешно, он всё-таки счёл своим долгом пожурить меня.

А пока папаня выговаривал мне за мой выход без спроса с ружьем на охоту, брат развязал вещмешок и с удивлением на лице достал из него селезня.

– Ну, братишка, и везучий же ты!

Только и вымолвил он в восхищении, а отец, увидев трофей, уже без смеха и иронии добавил:

– Ну что ж, уже мужик настоящий вырос, настоящий охотник! Добытчик!» – и потрепал меня по вихрам.

Наверное, именно в тот момент я и начал осознавать своё взросление.

***

...И уж коль скоро я упомянул про охоту, назову еще один эпизод, который никак не вычеркнуть из памяти. Вот уж сколько лет прошло, а всё стоит перед глазами та картина...

Дело было по зиме. Приобрели с друзьями лицензию на отстрел козы и двинули в тайгу. «Шарились-шарились» по лесу, десятки километров намотали, а зверя – нет. Хоть ты тресни! А уже и смеркается.

Решили загонки сделать, встали по номерам, пошли – и тут выскочил козел, далеко, правда, – пальнули по нему. Достать-то достали, да как-то не очень, и он стал уходить. Мы за ним, а он пробежит немного, и стоит, отдыхает, но на выстрел нас не подпускает. Уже и тайга близко, он до чащи тянет, и всё по кустам-по кочкарнику, попробуй, угонись за ним!

Думаем, уйдет в лес – уже не возьмём, решили оставить его, пусть заляжет, а наутро – видно будет, что с ним делать. И отправились в зимовьё. Считаю, потемну добрались.

Растопили печурку, отогрелись, чаю напились на травах таежных – чай-то таёжный с ароматом дымка – это ж не то, что дома из электрочайника... Переночевали, а утром опять в путь-дорогу, не хотелось домой без трофея возвращаться. Хочу сказать, что в прежние времена охота всё же больше для души была. Это сейчас, что ни выстрел – то браконьерский, что ни машина – то танк, что ни ствол – то гаубица, мировую войну можно выиграть.

И вот то место, где накануне козла подрали и упустили, и решил всё же пойти по следу, посмотреть, что же дальше-то было.

А буреломы – те еще, просто так не продерёшься, и снег глубокий, кочку только на ощупь обнаруживаешь, того и гляди, ноги переломаешь. И вот вижу – на деревьях вороны сидят. Но ведут себя как-то настороженно. Обычно-то галдят, о чем-то своём беседы ведут, мнениями обмениваются, а тут молчаливо смотрят вниз, а на что смотрят – не ясно. И ни одна не каркнет.

«Не нашего ли козлика скрадывают?» – думаю. Хотя, с другой стороны – почему на деревьях сидят? Зная их сущность, понимаю, что давно бы должны были добычу терзать.

Веду мысленно разговор с самим собой, строю догадки, продрался через очередной колючий кустарник – аккуратно тот, что под воронами, сам на них гляжу, они – на меня, и вижу, интересно им, якобы, что же дальше-то будет. И, чтобы не запнуться о валежину, опустил глаза, глядь, – и аж сердце зашло!

Смотрит на меня здоровущее чудище, птица огромная. Орёл-не орёл – разбери от неожиданности! Да до этого случая и не слыхал, чтобы в наших мазановских лесах такие водились! Сидит он на моём козле, полностью его своим телом закрыв, заявляя на него свои права, а размах крыльев у него – по первым прикидкам – ну что у небольшого беспилотного самолета! И клюв... Таким клювом рельсы можно пробивать, не то, что мою несчастную голову, на что этот монстр явно нацелился.

Я застыл, как вкопанный, и он сидит, как статуя. И смотрим друг на друга. И взгляд у него такой, что у меня мурашки по спине. С одной стороны, стервятник этот на мою добычу посягнул, отобрать хочет, что несправедливо; и как поборник законности, я не мог с захватом

чужого имущества смириться. С другой стороны – он же не знал, что это наша бригада накануне подстрелила косулю, – а нашёл-то её утром он!

По-хорошему, если уж честь по чести всё делать, мы должны были добычу разделить, что мысленно ему и предложил. Но он, вероятно, меня не понял и решил не связываться со мной. Встрепенулся шумно, оттолкнулся тяжело в мою сторону, тут же крыльями подспланировал, и резко ушел вверх. Дал круга надо мной – и улетел в сторону тайги.

Я потом несколько минут в себя приходил. Что меня, собственно, из колеи выбило: тот самый взгляд этого летающего хищника. Я потом в справочнике специально посмотрел, что за птицу встретил – краснокнижного орлана белохвостого, который по какой-то случайности в наши края забрался. Это был взгляд вполне разумного существа, понимающего, что встретился с превосходящим по мощи соперником. Всё в том взгляде можно было прочесть – и ненависть, и бессилие перед более сильным, и немой вопрос: зачем с ружьём вмешиваешься в законы тайги, в законы природы?!

Возможно, благодаря и тому пронзительному взгляду, никогда на охоте не использовал оружие как забаву, как возможность настрелять как можно больше дичи ради спортивного интереса.

Законы – в том числе и законы природы – созданы для того, чтобы их соблюдать...

Раздел 2. Рассказы прокурора

Первый учитель

Сейчас, когда пишу эти строки, окидывая взглядом своё прошлое, вспоминая, иногда не то, что по дням, а даже и по часам и минутам, всё то, что пережил, тех, с кем меня сталкивала жизнь, не могу не вспомнить добрым словом своего первого прокурора-наставника, ветерана прокуратуры Вилья Сергеевича Адриадзе.

Многие мои коллеги – и те, кто старше меня, и те, кто моложе, – в общем, большинство тех, кому посчастливилось работать вместе с Вилем Сергеевичем, благодарны, что он щедро делился профессиональным и жизненным опытом, своими глубокими знаниями; был примером самоотверженного отношения к делу и принципиальности, многому научил молодых сотрудников прокуратуры.

Виль Сергеевич Адриадзе родился и вырос в п. Архара Амурской области, учился и одновременно работал кочегаром, помощником машиниста паровоза на железной дороге. Затем изучал право в ДВГУ, после окончания которого был приглашен в 70-е годы на должность следователя прокуратуры Архаринского района. Наши с ним жизненные пути пересеклись, когда он был назначен прокурором Мазановского района.

Произошло это так. Я работал заведующим орготделом райкома комсомола. Работа мне нравилась: всё время в гуще молодежи, постоянно в первичных организациях, знал всё то, что происходит даже в самых отдаленных уголках района. Знал чаяния и заботы не только молодых ребят, моих сверстников, но и проблемы взрослого населения.

Однажды ко мне в кабинет зашел Виль Сергеевич, он был членом бюро райкома КПСС, и поинтересовался, чем я занят, какие вопросы решаю, удастся ли справиться, не требуется ли помощи со стороны правоохранительных органов, райкома партии.

Видимо, ему понравились обстоятельные ответы, понимание обстановки, мои взгляды на перспективу. Переговорив на молодёжные темы, Виль Сергеевич рассказал о сложной, но интересной и полезной государствену и народу, работе прокурора.

Рабочий день давным-давно закончился, как известно, в комсомоле и в прокуратуре, рабочие дни не нормированы, мы засиделись дотемна, у нас получился душевный, по-человечески тёплый разговор. Много рассказал в тот вечер Виль Сергеевич о сложностях работы в прокуратуре, что часто приходится сталкиваться с опасностью, с угрозой для жизни, а еще объяснил, за что ценит и уважает свою профессию. Работа в прокуратуре помогает восстановить справедливость: вернуть доброе имя человеку, на которого возвели напраслину, помочь правильно решить трудовой спор, согласно закону, а не так, как трактует начальник-самодур, наказать человека, преступившего закон. В конце разговора, увидев, что я живо заинтересовался его рассказом, Виль Сергеевич предложил стать его общественным помощником.

– Подумай над моими словами, – сказал он, – парень ты, я вижу, толковый, добросовестный, а опыт комсомольской работы позволит быстро освоить тонкости работы в прокуратуре.

До этого, на семинаре в зональной школе комсомольского актива старший помощник прокурора области по делам несовершеннолетних Ася Андреевна Шайхутдинова читала лекцию о прокурорском надзоре и предлагала комсомольским работникам, имеющим юридическое образование, поступать на работу в органы прокуратуры. Я уже тогда задумался о том, что мне было бы интересно трудиться именно в системе правоохранения. И это при том, что я с успехом мог продвигаться по комсомольской линии. К тому времени я уже понимал, что мне хочется более мужской, что ли, работы, более серьезной, хотя не умаляю серьезности и сложности работы в комсомоле.

Коротко говоря, предложение Виль Сереевича легло на удобренную почву, не раздумывая, я согласился.

В 1974 году В. С. Адриадзе добился дополнительной штатной единицы в руководимом им ведомстве – как раз строительство БАМа объявили главной стройкой страны, в наши края потянулись люди со всех уголков Родины, в связи с чем потребовалось и расширение штатов в правоохранительных органах. По его рекомендации и путёвке райкома комсомола я был принят в прокуратуру Мазановского района на должность следователя.

С самого первого дня моей работы Виль Сергеевич курировал мои действия, присутствовал на допросах, на других следственных действиях; по вечерам проводил «разбор полётов», ненавязчиво подсказывал, поправлял – и так было до окончания расследования первого в моей практике уголовного дела.

Изучив и проанализировав подготовленные мной документы, он немного подправил моё первое в жизни обвинительное заключение, утвердил его, и, прихлопнув по бумагам ладонью, будто подводя черту проделанной работе, сказал, что теперь он за меня спокоен, что из меня будет толк.

Эти слова я по сию пору считаю самым главным поощрением в жизни: ведь тем самым Виль Сергеевич благословил меня на главную профессию моей жизни, определил мою судьбу.

Виль Сергеевич интересовался не только служебными вопросами, он вникал в семейный быт, помог решить жилищный вопрос. Наряду со строгостью, он был чутким и внимательным, всегда готовым помочь своим сотрудникам.

Иногда в редкие минуты отдыха Виль Сергеевич выходил из своего кабинета и нам, небольшому коллективу прокуратуры: следователю, помощнику прокурора и заведующей канцелярией, рассказывал интересные случаи, порой курьезные и смешные, из своей богатой следственной практики. Один из таких рассказов мне помнится до сих пор.

***

– Однажды, – начал Виль Сергеевич, – когда я работал следователем Архаринской прокуратуры, из райотдела милиции сообщили, что в Черниговке во время празднования своего дня рождения от алкогольного отравления умер восемнадцатилетний парень. Пока пришла оперативная машина, пока прибыл эксперт, прошло достаточно много времени, да и до села катить, может, и не так далеко, но по снегу, да еще в метелицу, да по нашим дорогам, да морозице такой, что стёкла в машине инеем затягивает – в общем, еще около часа добирались. Нашли тот дом, где всё произошло, вошли, чтобы осмотреть труп молодого человека, нужно же было подготовить необходимые в таких случаях документы, а его там уже и нет! Убитые горем родители и гости так печально закончившегося торжества объяснили, что очень долго ждали следователя, и поэтому участковый распорядился самостоятельно отвезти труп в морг районной больницы – это примерно в двадцати километрах от села. Друг неожиданно скончавшегося парня нашёл совхозного шофера и попросил помочь в доставке покойника. Они загрузили тело в кузов ЗИС-5, – тут Виль Сергеевич сделал отступление, напомнив, что в народе этот автомобиль называли «Захариванычем» или просто «Захаром», кабина его была сделана практически из фанеры и продувалась со всех сторон, он давно уже был снят с производства, и каким чудом сохранился в совхозе тот самый экземпляр – одному богу известно, – мужики бросили в кузов немного соломы, чтобы несчастного покойника не растрясло, и вдвоем повезли тело в морг больницы.

– Все это, представьте себе, – снова напомнил Виль Сергеевич, – происходило в морозный декабрьский день.

Быстро взяв объяснения с присутствовавших о том, что случилось, Виль Сергеевич тотчас выехал в районную больницу. Когда подъехали к ней, увидели стоявшего рядом с прием-

ным покоем «Захара». Борта кузова были открыты, видна солома, но трупа не было, наверное, уже занесли в помещение. Необходимо было узнать, поместили ли труп в морг и назначить судебно-медицинскую экспертизу. Виль Сергеевич вошел в приемный покой больницы и увидел следующую картину: на кушетке лежал молодой человек и его тело врачи растирали спиртом. Другому мужчине врачи оказывали экстренную медицинскую помощь. Рядом с ними стоял молодой парень, которого трясло так, будто к нему присоединили электроток, и видно было, что трясло его не от холода, а от ужаса – это было написано на его физиономии! А медицинские работники при этом едва сдерживали смех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.